

M. Mä g e r, Eesti linnunimetused, Tallinn 1967. 268 стр.

В народе бытует очень много названий птиц, однако распространены они относительно мало. С этим приходится сталкиваться при сборе соответствующей лексики. Когда я еще студентом спрашивал у вепсов или карелов, проживающих на Валдае, как называется та или иная птица, мне часто давали самый простой ответ: «Птичка». Сбор птичьих названий и изучение их требуют много энергии и терпения. Поэтому признание заслуживает уже само обращение к этой исследовательской теме.

О названиях птиц на разных языках написаны как короткие статьи и отдельные этимологии, так и подробные монографии. Немало этимологических описаний по названиям птиц и на эстонском языке. Однако до сих пор отсутствовало обобщающее и систематизированное изложение вопроса. Пробел этот восполнила монография М. Мягера.

М. Мягер занимался названиями птиц уже продолжительное время и имел возможность глубоко изучить проблему в деталях. В 1963 г. он защитил кандидатскую диссертацию по этой теме, переработанный экземпляр основной части которой и представляет собой данная книга.

Автор использовал в работе очень разнообразный материал. Для регистрации эстонских названий птиц им детально просмотрены картотека диалектологического словаря Института языка и литературы Академии наук Эстонской ССР (около 1,2 миллиона карточек), множество диалектных текстов и ответов на вопросники по изучению родного языка. С этой же целью М. Мягер ознакомился с коллекциями фольклорного отдела Литературного музея им. Фр. Р. Крейцвальда и Этнографического музея АН ЭССР, записями наблюдений орнитологов Общества естествоиспытателей и коллекциями названий птиц многих орнитологов. У М. Мягера были личные корреспонденты, которые сообщали ему о названиях птиц, встречающихся в разных районах Эстонии. Значительна и коллекция названий птиц, собранная самим автором. Сюда следует прибавить обширную теоретическую литературу, предшеств-

ующие работы по названиям птиц в эстонском и родственных ему языках, словари эстонского и родственных языков и т. д.

На богатом материале родилось весьма интересное и содержательное исследование. Здесь будут высказаны лишь некоторые соображения, возникшие при чтении книги.

1. Как уже отмечено, работа М. Мягера — первое подробное и систематическое исследование эстонских названий птиц. Ее автор не ограничился анализом традиционных и уже описанных этимологий, внимание его было обращено как на обычные названия, встречающиеся на каждом шагу, так и на неисчерпаемую коллекцию народных названий. И именно последние представлены в большом количестве.

Нельзя, конечно, забывать, что названия птиц очень часто переплетены между собой. Одно и то же наименование в разных районах распространения языка может обозначать различных птиц. Рецензируемая работа содержит интересный материал о подобных переплетениях, ср. *kakerdaja* 'горнозобая гагара, *Gavia arctica*; красношейная кочанка, *Podiceps auritus*; большой баклан, *Phalacrocorax carbo*; красноглазая черныш, *Aythya ferina*; *vihmakass* 'иволга, *Oriolus oriolus*; черный дятел, *Dryocopus martius*; вертишейка, *Jynx torquilla*; сизоворонка, *Cotacias garrulus*; большой кроншнеп, *Numenius arquata*; обыкновенный канюк (сарыч), *Buteo buteo*; обыкновенный осоед, *Pernis apivorus*'. Даже *tihane* (в литературном языке 'синица, *Parus*') может в говорах обозначать еще шесть разных птиц: 'воробей, *Passer domesticus*; щегол, *Carduelis carduelis*; соловей, *Luscinia luscinia*; королек, *Regulus*; пеночка, *Phylloscopus*; обыкновенный крапивник, *Troglodytes troglodytes*'; *lõoke* — двух птиц ('полевой жаворонок, *Alauda arvensis*; пуночка, *Plectrophenax nivalis*'). Такие сплетения значительно затрудняют работу исследователя и требуют от него хорошего знания орнитофауны.

2. Как заслугу М. Мягера следует отметить тот факт, что в орнитологии он

чувствует себя как дома, хорошо знает птиц и их повадки. В работе приводятся описания различных видов птиц, районы их обитания и гнездования, имитации голосов и пения птиц, в большом количестве даны различные верования и приметы, связанные с определенными птицами. В некоторых случаях автор пытается установить и ареалы соответствующих птиц. Все это стало возможным благодаря большому интересу М. Мягера к птичьему миру и тесным контактам с виднейшими эстонскими орнитологами.

3. Особый интерес представляет один из основных выводов исследования — большинство эстонских названий птиц прямо или косвенно (например — через народную этимологию) связано с их голосами. Очень многие названия непосредственно оноματοпоэтические, многие — оноματοпоэтически-дескриптивного типа. Часто связь с голосами обнаруживается лишь в результате очень детального исследования. Например, названия выпы (*Botaurus stellaris*) *merehärg* (букв.: морской бык), *rabasõnn* (букв.: болотный бык) связаны с голосом птицы, который напоминает рев быка; голос гаршнепа (*Lymnopus minimus*) напоминает скрип телеги, отсюда название *santvanker* (букв.: хромая телега). Песня малиновки-пересмешки (*Hippolais icterina*) ассоциируется со звуками на сенокосе, на основе этого и образовались ее народные названия — *heinaniitja* (букв.: косец сена), *vikatipinnija* ~ *vikatiluskaja* (букв.: точильщик косы), голос козодоя (*Carpodacus europaeus*) сходен с шумом прялки, что объясняет ее название *ööketraja* (букв.: ночная пряха), *ketraja* (букв.: пряха) и *vokilind* (букв.: птица-прялка).

Сопоставление названия с голосом соответствующей птицы позволило автору высказать сомнение в верности некоторых ранее установленных этимологий. Так, он считает исконно эстонскими оноματοпоэтическими словами названия *kiivitaja* 'чибис, *Vanellus vanellus*' (Л. Кеттунен предполагал — из средненижнегерманского), *kägu* (начиная с В. Томсена считалось — (?) из балтийских языков), *lõugas* ~ *lõukajakas* 'коморник, *Stercorarius*' (А. Сааресте связывал с названием птицы *lõo* 'жаворонок, *Alauda arvensis*'), *piilu* 'утка, *Anas*' (по мнению П. Аристэ — из

нижнегерманского), *vint* 'зяблик, *Fringilla*' (по П. Аристэ — из диалекта шведского языка в Эстонии).

Слово *kiur* 'Anthus' М. Мягер тоже считает оноματοпоэтически-дескриптивным (по мнению Я. Калима и Ю. Тойвонена, оно заимствовано из балтийских языков). Для сравнения он приводит вод. *kiuruttema*, эст. (диал.) *kiurama* 'трелить'; из этих слов, обозначающих звучание, как бы произошло данное название. Не имеем ли мы здесь как раз обратный процесс? Соответствующее название птицы само обусловило появление глаголов на основе сравнения (типа «петь, как жаворонок»). Полностью исключить возможность заимствования в данном случае не хотелось бы.

Автор считает, что наряду с оноματοпоэтически-дескриптивными названиями вторую большую группу составляют слова, при образовании которых исходили из внешнего вида и повадок птиц. Анализ и здесь подробен и проводится со знанием дела.

4. Достоинство рецензируемой работы, несомненно, и в том, что для сравнения приводятся данные других языков, особенно если речь идет о параллельно возникших названиях в разных языках. Например: эст. *kiivirullija* 'Arenaria interpres' — нем. *Steinwalzer*, *Steindreher*, англ. *turnstone*, дат. *stenvender*, голл. *steenlooper*, рус. *каменшарка*; эст. *pahkliharakas*, *pahklihahn*, *pahklipureja* и др. 'Nucifraga caryocatactes' — нем. *Nuhacker*, англ. *nut-cracker*, франц. *cassenoix*, латин. *Nucifraga*, рус. *ореховка*, укр. *орихівка*; приводятся параллельные названия трясогузки 'Motacilla alba' (стр. 133—134) и удода 'Upupa epops' (стр. 111) из других языков и т. д.

В связи с этим, однако, хочется высказать одно пожелание. Автор взял за принцип при использовании уже ранее описанных этимологий ограничиваться только ссылкой на литературный источник, не представляя конкретного языкового материала из более далеких родственных языков. (Исключения встречаются, например, разбор этимологии *teder*, стр. 53). Этот принцип отвечает интересам экономии объема книги, но с точки зрения читателя-потребителя, лишает ее обзорности. И прежде всего конкретный

материал из дальних родственных языков необходим там, где автор книги сам сомневается в правильности уже установленных этимологий. Так, на стр. 116 при разборе *tikk* 'дятел' автор утверждает, что коми и удмуртские соответствия сомнительны, однако самих соответствий не приводит (дана лишь ссылка на Ю. Вихмана).

5. При чтении работы создается впечатление, что автор придает слишком большое значение народным объяснениям названий, т. е. мнениям и разъяснениям своих корреспондентов. Примеров этому и в работе достаточно: *upikägu* 'удод, *Urua erops*' — *Hää upikägu ütleb äsi oma nime* «*up, up, up*» 'удод сам себя называет «*up, up, up*»; *ohoo* 'филин, *Bubo bubo*' — *Puh tema röögib ööse, siis mõni kutsub teda «ohoo»* 'он кричит ночью и тогда иные зовут его «*ohoo*»; *rüdi* 'галстучник, *Charadrius*' — *Kuu rüdi kisendab oma nime «rüdü, rüdü»* 'галстучник кричит свое имя «*rüdü, rüdü*» и т. д. Нельзя, конечно, отрицать ценности этих объяснений. Однако есть опасность переоценить их; ведь они все же остаются случайными мнениями одного (в лучшем случае — нескольких) человека. Может быть, некоторое преувеличение есть и в народном объяснении названия *nott* 'сойка, *Garrulus glandarius*' — *nott sellepärast, et temal on vilets lendamine* «*lont, lont, lont*»; '*nott* называется потому, что она плохо летает «*lont, lont, lont*»? Народные названия всегда содержат и много случайного материала. Наименования встречаются лишь на очень небольшой территории, ими пользуется два—три, а иногда и всего один человек, но можно ли их поэтому уже считать названием птицы?

Мне кажется, что к категории «случайных» относятся, например, названия, связанные с топонимами: наименования грача (*Corvus frugilegus*) *värška vares* (<*Värška*), *haeska vares* (<*Haeska*), *purtse vares* (<*Purtse*), *Püssi krahoi vares* (<*Püssi*), *talsimäe vares* (<*Talsimäe*). Ср. со стр. 105, где автор и сам очень осторожен при рассмотрении таких случайных единичных названий козодоя, как *Lauri Ann* (по названию хутора Лаури), *Tammetsa eit* (< хутор Тамметса), *Raba-vanaeit* (< хутор Раба).

В личной беседе М. Мягер сказал, что его диссертация содержит больше материала о «случайных» названиях. Однако это не извиняет его опубликованный труд, где иногда подобного материала недостаточно.

6. Автор работы и сам отмечает, что происхождение некоторых названий остается сомнительным или не выясненным и требует дополнительного исследования; например: *mänsak* 'кедровка, *Nucifraga caryocatactes*', *pistrik* 'кречет, *Falco*', *maim* 'зеленый дятел, *Picus viridis*', *häär* ~ *haar* 'пестрый дятел, *Dendrocopos*', некоторые названия гаги (*Somateria mollissima*) и др. Из поля зрения автора совсем выпали терминологические: *kormoran* 'большой баклан, *Phalacrocorax carbo*', *võsaraat* 'лесная завирушка, *Prunella modularis*', *sarviklõoke* 'рогатый жаворонок, *Eremophila alpestris*', *tuttlõoke* 'хохлатый жаворонок, *Galerida cristata*', *rookana* 'пастушок, *Rallus aquaticus*' и *tiigikana* 'камышница, *Gallinula chloropus*'. Желательна была бы ссылка и на их происхождение.

Нуждается в комментариях приведенное на стр. 86 мнение Л. Кеттунена о том, что эст. *kiir* 'Sterna' > латыш. *ķīre*, *ķīris* 'Sterna hirundo'. Это слово встречается и в ливском языке, поэтому возможно заимствование соответствующих латышских слов оттуда.

Более подробного разбора требует также германское происхождение эстонского названия *leevike* 'снегирь, *Pyrghula pyrghula*' (в работе есть лишь ссылка на Т. Каукоранта).

Не хочется верить, что слово *kuldnokk* может обозначать и соловья (*Luscinia luscinia*). Во всяком случае нельзя считать убедительным аргументом ссылку автора на народную песню «*Kuku sa, käge, kuldankokka...*» (стр. 170), где *kuldankokka* представляет собой синоним — эпитет названия *kägu*.

Помещенные в конце работы регистры нужно всячески приветствовать. Однако регистр народных названий сейчас содержит только страницы I и II частей работы. Было бы целесообразно включить в него и страницы III и IV обобщающих частей, где также встречается много названий птиц.

РУДОЛЬФ КАРЕЛСОН (Таллин)